

КОЧЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО УЗБЕКОВ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛО XX ВВ

Турдимуратов Янгибой Алламуратович
Узбекский государственный университет
физической культуры и спорта
доцент, доктор философии (PhD)
Email: new_rich80@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется один из традиционных хозяйственных типов узбеков Южного Узбекистана, кочевое животноводство, его особенности в конце XIX - начале XX вв.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, типы хозяйства, узбеки-кунграты, кочевое скотоводство, стационарное кочевание, овцеводство, пастбища.

XIX АСР ОХИРЛАРИ – XX АСР БОШЛАРИДА ЖАНУБИЙ ЎЗБЕКИСТОН ЎЗБЕКЛАРИ КЎЧМА ХЎЖАЛИГИ

Турдимуратов Янгибой Алламуратович
Ўзбекистон давлат жисмоний тарбия ва спорт университети
доцент, фалсафа доктори (PhD)
Email: new_rich80@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Ушбу мақолада XIX аср охирлари - XX аср бошларида Жанубий Ўзбекистон ўзбекларининг асосий хўжалик турларидан бири бўлган кўчма чорвачилиги, унинг ўзига хос хусусиятлари таҳлил қилинган.

Калит сўзлар: анъанавий хўжалик, хўжалик типлари, ўзбек-кўнғиротлари, кўчма чорвачилик, стационар кўчмачилик, кўйчилик, яйловлар.

NOMADIC ECONOMY OF THE UZBEKS OF SOUTH UZBEKISTAN AT THE END OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Turdimuratov Yangiboy Allamuratovich
Uzbek State University of Physical Culture and Sports
Associate Professor, Doctor of Philosophy (PhD)

ABSTRACT

This article analyzes one of the traditional economic types of the Uzbeks of Southern Uzbekistan, nomadic animal husbandry, its features in the late XIX - early XX centuries.

Keywords: traditional economy, types of economy, Uzbek-Kungrads, nomadic cattle breeding, stationary nomadism, sheep breeding, pastures.

Исследовать проблемы относящихся к хозяйству является одним из важных задач этнографической науки. Хозяйство относится к развитию производственных сил общества, фундаментальным социально-экономическим видам категории зависимые с разделением труда. Изучав хозяйственную деятельность можно выяснить многие спорные вопросы каждого этноса и этнических групп. Один из самых древних видов традиционной хозяйственной деятельности является скотоводства. До начало XX в. у народов-скотоводов Средней Азии этот вид хозяйственной деятельности имел кочевой характер. Исторически сложились основные и новые типы скотоводческого хозяйства, которые различались способом ведение этого хозяйство.

Культура степных кочевых народов – один из уникальных феноменов мировой цивилизации. Динамично развивавшаяся, изменявшаяся на протяжении веков, она прошла сложный путь развития. Прекращение крупных миграций племен, переход кочевников к оседлому образу жизни, наблюдавшийся на протяжении XVI-XIX вв., безусловно, наложили свой отпечаток на стереотипы поведения и мировоззрение вчерашних кочевников, но традиции кочевой культуры по-прежнему сохраняются в современной жизни.

Природное условия Южного Узбекистана были весьма благоприятными для занятия скотоводством: наличие богатых сезонных пастбищ и теплый климат позволяли в большинстве районов содержать скот круглый год на подножном корму. Следует, однако, отметить, что здесь, как и во всякой другой горной стране, характер климатических условий и микроклиматические особенности определялись в значительной степени вертикальной зональностью.

Этнический состав населения этого региона отличался большим разнообразием. Высокогорные районы были преимущественно таджиками, а долины рек (по средним и нижним их течениям) и невысокие горы между ними – полукочевыми узбеками, среди которых были вкраплены группы искони

оседлого узбекского и таджикского населения, в основном так называемых чагатаев. Помимо таджиков и узбеков в рассматриваемой области жило незначительное число туркмен, арабов, цыган и др. [3, С. 96]. Эта пестрота этнического состава усугублялась тем, что повсеместно сохранялось деление некоторых из этих народностей на родо-племенные и территориальные группы, той или иной мере отличавшиеся друг от друга по своему происхождению и культурным традициям.

Преобладающую роль в скотоводческом хозяйстве узбеков в прошлом занимало овцеводство. Его развитие было связано не только с необходимостью производства пищевых продуктов – мяса и молока, но и для получения ценного сырья – шерсти и кожи. Однако наиболее ценной продукцией были шкурки, получаемые от каракульской породы овец. Издавна овцеводство имело и товарное направление. Большой спрос на рынках Средней Азии был на живых овец, которых покупали и откармливали на мясо и сало. Некоторая часть овечьей шерсти, а также изготовленные из нее изделия (кошмы, паласы, переметные сумы, мешки различной величины и др.) шли на рынок [11, С. 188].

Анализ собранных материалов показывает, что в южных районах Узбекистана можно выделить четыре основных типа скотоводства: 1) отгонно-пастбищный, 2) кочевой, 3) выгонный и 4) стойлово-выгонно-яйлажный [4, С. 45]. В настоящее время этнографы выделяют у народов Средней Азии три исторически сложившихся типа скотоводческого хозяйства: 1) кочевничество, 2) отгонное скотоводство и 3) стойловое скотоводство [9, С. 44]. Под кочевничеством понимается такой вид скотоводческого хозяйства, когда основу существования какого-либо народа или части народа составляет экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок. В кочевническом хозяйстве народов Средней Азии выделяются два вида: 1) кочевое хозяйство и 2) полукочевое. Основанием для такого разграничения служит степень занятия земледелием. В полукочевом хозяйстве роль земледелия весьма заметна, в то время как кочевники земледелием почти не занимались, а если и была у них посевы, то очень небольшие техника выращивания растений мало отличалась от первобытной.

Кочевой тип скотоводства был распространен у части узбеков-кунгратов, живших в полупустынных районах (особенно в бассейне среднего течения Шерабаддарьи). Здесь скотоводы вместе с семьями передвигались вслед за скотом по сезонным пастбищам, меняя место стоянки по мере стравливания пастбищ. Кунграды, например, меняли место стоянки через каждые две-три недели. Кочевали по определенным маршрутам в пределах территории своей

родо-племенной группы; только летовки могли находиться за пределами этой территории.

У кунградов в стаде ведущее место принадлежало курдючным овцам. Овец породы хисори [5, С. 71-77] разводили в Денаусском и Байсунском бекствах Восточной Бухары. Разводили также коз и лошадей. Разведение коз играло менее значительную роль, чем овцеводство. В основном они были местной породы, преимущественно черной масти, с грубой шерстью и с небольшим количеством пуха. Крупных стад коз у узбеков не было.

Начиная с XVIII в. (по более ранним периодам нет сведений) в Средней Азии можно выделить три способа кочевания: «меридиональный», «вертикальный» и «стационарный» [7, С. 44]. В настоящее время еще нельзя сказать, какой из них наиболее древний. Наряду с социальными факторами громадное, а часто и решающее значение имеет среда обитания, т.е. географическое условия, в которых находится та или иная группа населения.

Способ кочевания – это не то иное, как система сезонного использования пастбищ в зависимости от природных условий и политической ситуации, сложившихся на той или иной территории. Меридиональное кочевания – это способ перекочевок наиболее широко применялся в центральной и северных степных частях современного Казахстана и на юго-западе Туркмении. Достоверные сведения о нем, применительно к Средней Азии, мы имеем только с XVIII в. Вертикальное кочевание – способ кочевания применяется скотоводами в горных местностях. Наиболее ярко он выражен в Киргизии и на Алтае – в северо-восточной части Казахстана.

Стационарное кочевание больше всего был распространен в западных и центральных районах Средней Азии – на территории Туркмении, на полуострове Мангышлак и в южных районах Узбекистана, т. е. в наиболее его засушливой ее части. От предыдущих способов кочевания его отличает прежде всего меньшая подвижность скотоводов. Расстояние между сезонными пастбищами в этом случае сравнительно небольшое и редко превышает 50-60 км [11, С. 188-190].

При стационарном кочевании скотоводы проводили в песках или горных долинах, где снежный покров практически отсутствует. Там было достаточно корма для скота, много дров для топлива и можно было укрыт между барханами или в лощинах скот от холодных ветров. С наступлением весны скот перегоняли на весенние пастбища. С высыханием травы и водоемов, оставшихся после таяния снега и весенних дождей, скотоводы перекочевывали на летние пастбища, где проводили лето и большую часть осени.

В условиях жаркого и сухого климата летние пастбища, обеспеченные водными источниками, являлись при этом способе кочевания наиболее ценными.

Если при меридиональном и вертикальном кочеваниях ценность представляла сама земля, так как в силу географических условий пастбища достаточно обводнены и много естественных источников воды, то в засушливом климате пустынь, полупустынь и очень сухих степей, где плотность скотоводческого населения чрезвычайно низкая, Сама земля для кочевника-скотовода ценности не представляла. Ее было много. Ценность представляли только обводненные пастбища, а обводнение их возможно только при помощи колодцев или каких-либо других (например, кяризов) искусственных водных источников, которые можно использовать для водопоя скота. Сооружение таких водных источников требовало большого количества квалифицированного труда.

Скотоводы, применявшие стационарный метод кочевания, летом собирались на пастбищах около колодцев, где на это время создавались сравнительно многочисленные кочевья. Скот в непосредственной близости от колодцев, как правило, не пасли, а отгоняли на небольшие расстояния, не превышавшие одного дня пути стада с тем расчетом, чтобы его можно было не реже чем 1 раз в 2-3 дня, а в особо жаркое лето и чаще пригонять на водопой к колодцу.

Осенние пастбища при стационарном кочевании были только у некоторых групп скотоводов. В большинстве случаев (по материалам конца XIX в) осенью стада паслись на летних пастбищах и с приближением холодов откочевывали на зимники. Большие кочевья распадались, и скотоводы проводили зиму небольшими по числу хозяйств группами, так как зимой стада были почти неподвижны и паслись на очень ограниченной территории, которая не могла обеспечить кармами большое количество скота.

Стадо у скотоводов, применяющих стационарное кочевание, отличается от стад при меридиональном и вертикальном кочеваниях; их стада состояли исключительно из овец и верблюдов. Коз было очень немного. К концу XIX в. значительно сократилось поголовье верблюдов которые по численности в конце XVIII - начале XIX в. мало уступали овцам. При стационарном кочевании, распространенном преимущественно в засушливых районах, практически не разводило крупный рогатый скот и очень мало держали лошадей, которые использовались только для верховой езды.

Пастбища в южных районах Узбекистана по своим природным особенностям и характеру использования делятся на три группы: 1) осенне-зимне-весенние пастбища предгорно-низкогорных районов; 2) проходные пастбища среднегорных районов; 3) летние пастбища высокогорных районов [8, С. 38]. Средней Азии лучшими пастбищами для зимовки скота и выпаса его в ранневесенний период являются пустыни. В изучаемой области пустынь очень

мало (лишь небольшие площади на юге), поэтому зиму, осень и весну скот держат на пастбищах типично весенних, т. е. дающих максимальное количество корма в весенний период.

Большие стада овец пасли, разбив на отары (сурук). Количество голов, входящих в одну отару, зависело от половозрастного состава ее и от общего количества овец данного владельца. В богатых хозяйствах 500 подсосных маток с ягнятами, т. е. 1000-1300 голов, составляли одну отару. Молодняк обоего пола составлял отару численностью до 700 голов [5, С. 105]. Яловые матки составляли отдельную отару, их никогда не смешивали с подсосными матками. Также отдельно выпасались бараны-производители (кучкор); их держали вдали от остальных отар для предупреждения случайных спариваний. Численность баранов зависела от количества маток и могла достигать до 200 голов. Владельцы небольших отар держали баранов в общем стаде, но с подвязанными набрюшниками, чтобы исключить возможность случки. Вожаками в отарах являлись 2-3 козла (серке).

Отару 400-500 голов обслуживали два-три, а свыше 500 голов – четыре чабана (от слова чуббон-хворостник, так называют овцеводов). Чабаны-скотоводы каждое время года пасли овец в разных местах, на разных пастбищах. Если стадо превышало 1000 голов, то количество чабанов достигало пяти. В теплое время в течение дня отару пса один человек, а на ночь его сменяли два чабана. В холодное время чабаны сменялись и в середине дня. Ценными помощниками чабанов являются собаки, местные овчарки, большого роста, большеголовые с обрезанными ушами. Они не только охраняют отару от волков, но и помогает собирать и перегонять стадо. На отару до 500 голов ставили трех, а свыше 500 – четырех собак.

Перекочевка на летние пастбища начинался перед колошением ячменя. При перегона на литовки опытные чабаны выбирали наиболее удобные и обеспеченные кормом пути. Отары двигались медленно, выпасаясь дорогой. Торопиться не следовало и потому, что на высокогорных перевалах нередко в это время лежал еще снег. Летом производилась круглосуточная пастьба. Отдых устраивали только на 2-3 часа в самое жаркое время дня. Водопой производился два раза в день. По мнению, чабанов быстрота нагула и упитанность овец зависит не только от круглосуточной пастьбы, но и умелого выбора пастбищ, а также от регулярной подкормки солью. Соль давали раз в пять дней из расчета около 500 г на овцу. В районе летних пастбищ не везде имеются месторождения соли, поэтому нередко приходилось привозить ее на ослах издалека. Два раза в год производили стрижку овец: весной – после окота и осенью – перед случкой.

На высокогорных пастбищах овцы оставались до начала осени. По словам овцеводов, гиссарские овцы не переносят жару (даже заболевают и гибнут от нее), поэтому одним из важнейших условий сохранения высоких качеств этой породы является ранний перегон на летовки и позднее возвращение. Начинали возвращаться только тогда, когда на летовках 2-3 раза выпадал снег. Осенью происходит один из ответственных моментов в овцеводстве – случка (“қўчқор қўйган вақт”), от правильного и своевременного проведения которой в основном зависит как прирост поголовья, так и сохранение его качества. Овцеводы, конечно, были заинтересованы в большом количестве двоен. По словам чабанов, для увеличения числа двоен требуется круглосуточная тщательная пастьба за месяц до случки и круглосуточная пастьба в течение месяца после случки. Кроме, того, считают, что следует в течение 10-15 дней до начала случки поить овец на том пастбище, где будет производиться случка. После проведения случки начинался или продолжался перегон на осеннее-зимние пастбища.

Поздно осенью овцеводы перешли на зимние пастбища. Зимний период называется “қиш қўтан” – «зимний загон». Это – один из самых трудных периодов в работе чабана. В зимний период овцы паслись с раннего утра до позднего вечера, а на ночь загонялись в кутан. Сами чабаны ложились также в кутане у ограды, т. к. в течение ночи требовалось несколько раз поднимать овец, чтобы они стряхнули себя снег или дождь, переменили положение и легли на новом месте. Если ночь была особенно холодная, то в полночь овец не только поднимали, но и выводили из кутана и, прогнав 4-5 км, чтобы они согрелись, снова загоняли в кутан.

Овец, зимующих в предгорьях, поили не ежедневно, а через 2-3 дня. В период с обильными осадками совсем не поили. Овец же, зимующих на пустынных пастбищах равнинной части, поить полагалось ежедневно. На предгорных пастбищах овцам время от времени выдавалась соль, а зимующим на зимних пастбищах, где растет много солянок (в частности в речных долинах кустарник кара-борон или кара-борох) и где имеются солончаки, соль не выдавалась.

Ранняя весна (период с февраля до середины марта) называлась у овцеводов қора ғалтанг или қора қилтинг и считалась одним из самых тревожных периодов. Қора ғалтанг продолжался 40 дней и предшествовал хлопотливому и не менее тревожному периоду ягнения маток (тўл, окот, ягнение овец). Начало сорокадневного периода қора ғалтанг определялось по суягным маткам – вымя их начинало наливаться. С этого времени заканчивался период зимнего кутана, овцы переходили к ночной пастьбе. Период ягнения начинался в середине марта,

т. е. ранней весной, еще в холодное время и заканчивалось в апреле. В больших отарах в течение суток могли родиться более сотни ягнят.

Объегнившиеся матки вместе с ягнятами в течение 5-6 иногда и 10 дней (в зависимости от погоды) оставались у кутана и паслись поблизости от него. Ягнята развиваются быстро и через 5-10 дней их уже с матками пускали в общее стадо. Дней через 15-20 ягнята уже самостоятельно подкармливались травой. Только слабых ягнят (особенно если весна выдавалась неблагоприятной) приходилось подкармливать молоком и зерном. Перед отгоном на летние пастбища в начале мая производилась стрижка овец. Запоздывать с весенней стрижкой не полагалось, чтобы к осени шерсть успела достаточно отрасти. Не стригли только слабых овец.

Скотоводы Средней Азии проводили целенаправленную селекционную работу по улучшению или иных свойств скота, получая животных с нужными им качествами. Однако в условиях кочевого быта, отсутствия кормового запаса возможности селекции были ограничены. Хотя скотоводами и были выработаны некоторые приемы в лечении больных животных, эпизоотии уносила много скота, и люди были бессильны с ними бороться. Одной из причин падежа скота являлось отсутствие зоотехнической и ветеринарно-профилактической работы. А в Бухарском и Хивинском ханствах до первой четверти XX в. почти полностью отсутствовало всякое ветеринарное и зоотехническое обслуживание. В 1910 г. на все Бухарское ханство был один ветеринарный врач. В 1912 г. В этом ханстве были организованы два ветеринарных пункта [12, С. 89]. «Помощь» скоту оказывалась путем различных магических приемов и обрядов, как, например, прогоном стада между двух костров.

Чабаны, например, лечили раны, извлекая из них червей, промывая, прикладывая лекарственные растения, смазывая жиром и т. п.; вытаскивали из ушей животных колючки; лечили желудочно-кишечные и др. болезни различными травами и их отварами и т. п. наряду с этими рациональными эмпирическими способами лечения, в большом ходу были всякие магические приемы «лечения» - заговоры, талисманы и т. п. например, если по дороге встречались мазары, то овец прогоняли вокруг них, чтобы больные поправились, а здоровые не заболели. При поварных болезнях мелкого рогатого скота прорывали в земле ход с двумя отверстиями и пропускали через него животных, «чтобы болезнь осталась в земле», или же на дороге, по которой проходят стада, хоронили козла, уложив на спину, т. е. ногами вверх. Опрыскивать животных приглашался специальный человек, который, соблюдая положенный обряд, набирал воду в рот из узкогорлого кувшина с особой осторожностью [12, С. 93].

У узбеков в прошлом бытовал ряд поверий и обрядов, связанных с овцеводством. В частности, существовал обряд очищения овец от нечистой силы перед выгоном на весенние и летние пастбища. Для этого один из чабанов с зажженным факелом в руке обегал овец, находившихся в загоне. Перед выходом из загонов овец окуривали травой (*paganum harmala* – исирик, исвон), то также должно было освободить их от нечистой силы и сохранить от сглаза. Владельцы отар перед отгоном и возвращением на зимовку резали овцу и устраивали жертвенное угощение, на которое приглашали авторитетных лиц селения и муллу. После сытного угощения мулла читал рисола (устав, связанный с историей профессии, занятия и ремесленной организацией (цехом)), посвященный патрону овцеводов – Чупон-ота [12, С. 89].

Орудия труда кочевников-скотоводов были немногочисленны. Эти арканы, уздечки, вьючные и верховые седла, путы, ножницы для стрижки, приспособления для поднятия воды из колодцев – кожаные ведра, веревки, примитивные подъемные приспособления и каменные корыта для водопоя скота. Вооружение чабана состояло из ножа и палки. Нож (пичок) в ножнах (пичок қини, ғилоп) висел у пояса на ремне (пичок боғи). К поясу подвешивались еще иголки и шило в специальных кожаных футлярах (игна қоп, бигиз қоп), а также огниво (чокмоқ) и кремень (чокмоқ тоши) в кожаном мешочке. Кремень служил и для точки ножа. Весь этот комплекс предметов украшался бахромой (чочок) из узких ремешков, свисающих ниже колен. Сам характер этих орудий и способ ведения хозяйства – экстенсивное кочевое скотоводство – не создавали ни условий, ни стимула для их совершенствования, и концу XVIII- начало XIX в. [10, С. 67].

Посох чабана (таёқ) представлял собой толстую (примерно 3-5 см в сечении) палку длиной около 1,5 м, преимущественно из иргая (ирғай – кизильник, кустарник из семейства розоцветных, *Cotoneaster Medic.*). Существовало поверье, что тот, кто перешагнет через посох, высохнет подобно посоху, а у беременных женщин могут произойти преждевременные роды. Существовала также клятва на посохе [13, С. 76-77].

Крупного рогатого скота, не приспособленного к длительным переходам, у них не было. По словам узбеков, относившихся в прошлом к полукочевым группам, коров «за скотину не считали», говядину в пищу не употребляли. Некоторое внимание крупному рогатому скоту стали уделять со временами перехода значительной части узбеков на оседлость, т. е. с последней четверти XIX в [4, С. 48]. Кунграды наряду с овцами имели значительное число верблюдов (у остальных узбеков племен южных районов Узбекистана верблюдов было мало). Верблюды делились на вьючных, тягловых и упряжных. Они в хозяйстве

были не только рабочими животными, их молоко и мясо употребляли в пищу. Из верблюжьего молока приготавливали масло, в летний период делали хорошо утоляющий жажду напиток – айран. Высоко ценилась верблюжье шерсть. С одного одногорбого верблюда за год можно было до 5 кг шерсти, а с двугорбого до 10 кг и более [11. С. 192]. Узбеки разводили два вида верблюдов: одногорбого (кизил-туя, Название кизилтуя верблюдов получил за свой светло-бурый (светло-коричневый) шерстяной покров) и двугорбого (ойри-туя, Одногорбых верблюдов в научной литературе принято называть дромадер, а двугорбых – бактриан). Одногорбые самки назывались арвона, а самцы – лок, самка двугорбого – инган, самец – бар [2, С. 31-35, 7, С. 118].

Важную роль в хозяйстве узбеков играло коневодство. У полукочевых узбеков лошадь как верховое и вьючное животное служила для перекочевья при выпаса скота. Использовали их для народных конно-спортивных игр (купкари) и скачек (пойга). Правда, у узбеков не было табунного коневодства в таких широких масштабах, как у казахов и киргизов, исключение составляли лишь некоторые узбекские племена Восточный Бухары, например, локайцы, узбеки митан бассейна Зерафшана, нуратинские туркмены и некоторые другие группы. В таких хозяйствах коневодство имело товарное направление – лошадей поставляли на рынки для продажи [1, С. 90]. Самой распространенной породой была карабаирская, которая относится к глубокой древности. Для ее выведения помимо местной породы были использованы туркменская, арабская и монгольская породы. В южных (горных) районах Узбекистана разводили также локайскую и туркменские породы лошадей.

Исторически сложившиеся культурные традиции отдельных этнических групп в конце XIX - начале XX в. продолжали еще играть большую роль в хозяйственной деятельности населения. Относительной устойчивости традиций, существованию определенной хозяйственной специализации этих групп способствовали издавна установившиеся экономические связи между ними и между отдельными историко-культурными районами. В результате различные этнические группы, живущие в сходных природных условиях, иногда имели различный тип хозяйства. Однако повсеместно протекающий процесс оседания кочевников приводил к постепенной утрате ими хозяйственной специфики. Процесс этот шел постоянно, ускоряясь или замедляясь в зависимости от изменений социально-экономических, политических и природных условий.

REFERENCES:

1. Арандаренко Г. Коневодство. «Туркестанские ведомости», 1881, № 9. Шаниязов К. Основные отрасли животноводства в дореволюционном

- Узбекистане // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., Наука, 1975. – С.190.
2. Бабушкина В.А. Дромадеры, бактрианцы и гибриды Узбекской ССР. «Верблюдоводство в СССР», М., 1938. – С. 31-35.
 3. Кармышева Б.Х. К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана. СЭ. 1964, № 6. – С. 96.
 4. Кармышева Б.Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX-начало XX века). СЭ. 1969, № 3. – С. 45, 48.
 5. Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. вып. 1. ТИИАЭ АН Тад ССР, Сталинабад, 1954. – С. 71-77, 105, 112.
 6. Калинин В.И., Яковлев Р.Я. Коневодства. М., Наука, 1956. – С. 263.
 7. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 2, СПб., 1911. – С.118-122.
 8. Морозова О.И. Пастбища и их использование. Сб. «Советский Таджикистан», Сталинабад, 1950. – С. 38.
 9. Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Москва. 1980. – С. 44.
 10. Ташев Х. традиционное животноводства узбеков Среднего Зарафшана // этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Т., Фан, 1972. – С. 67.
 11. Шаниязов К. Основные отрасли животноводства в дореволюционном Узбекистане // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., Наука, 1975. – С. 188-190, 192.
 12. Шаниязов К. Отгонное животноводства у узбеков. // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., Наука, 1973. – С. 89, 93.
 13. Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Т., Наука, 1964. – С. 76-77.
 14. Маманов, Ж. А., & Розиков, Ж. М. (2021). Миллий менталитетнинг ёшлар маданиятига таъсири. Academic research in educational sciences, 2(Special Issue 1), 170-178.
 15. Маманов, Ж. А. (2018). Ёшлар маънавий маданиятига таҳдид ёки мессионерликнинг салбий оқибатлари. ЎЗМУ хабарномаси, 169.
 16. Маманов, Ж. А. (2018). МАЪНАВИЙ ТАРБИЯ ТАКОМИЛИДА СПОРТ ВА АХЛОКИЙ МАДАНИЯТНИ УЙФУНЛАШТИРИШ МАСАЛАСИ. Fan-Sportga, (3), 74-78.
 17. Маманов, Ж. А., & Хушвақтов, З. Р. (2022). МИЛЛИЙ МЕНТАЛИТЕТ (МЕХАНИЗМИ) ВОСИТАСИДА ЁШЛАР МАЪНАВИЙ МАДАНИЯТИНИ ЮКСАЛТИРИШНИНГ МИЛЛИЙ ВА УМУМИНСОНИЙ ТАМОЙИЛЛАРИ. Educational Research in Universal Sciences, 1(6), 9-13.

18. Маманов, Ж. А. (2020). Young people are increasing a spiritual culture place of national mentality. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 3203.
19. Жумаев, У. Х. (2022). ТУРКИСТОНДА МОЛИЯ-КРЕДИТ МУАССАСАЛАРИНИНГ ПАХТАЧИЛИК СОҲАСИДАГИ ФАОЛИЯТИ ТАРИХИДАН. *Educational Research in Universal Sciences*, 1(6), 4-8.
20. Жумаев, М. Х. (2022). БУХОРО АМИРЛИГИДА ҲУНАРМАНДЧИЛИК ВА ТЎҚИМАЧИЛИКНИ РИВОЖЛАНИШ ТАРИХИДАН. *Educational Research in Universal Sciences*, 1(6), 14-18.
21. Жаҳонгиров Б.Б. Ўзбекистоннинг хорижий давлатлар билан илмий – техникавий ҳамкорлиги (илмий-тадқиқот институтлари мисолида). *Oriental renaissance: innovative, education, natural and social sciences scientific journal*. Volume 2, issue 5/2, may 2022. -Б.824.
22. Жаҳонгиров Б.Б. Ўзбекистоннинг Япония билан илми-техникавий алоқалари. *Academic research in educational science volume 2 | special issue 1 | 2021 /01*; -Б.315.
23. Жаҳонгиров Б.Б. Ўзбекистон фанлар академиясининг хорижий мамлакатлар билан илмий - техникавий алоқалари. ҚарДУ хабарлари Илмий-назарий, услубий журнал. Махсус сон (Ижтимоий фанлар).-Қарши. 2020.-Б.256.
25. Жаҳонгиров Б.Б. Международные связи Узбекистана в области науки. *International scientific and practical conference. The time of scientific progress, Warsaw, Polsha, 05.11.2022. Session1, Part 3*.-С.15-19.
26. Жаҳонгиров Б.Б. Ўзбекистон ва Туркия муносабатлари. *Science and innovation international scientific journal volume 1 issue 8 uif-2022: 8.2 | issn: 2181-3337*.-Б. 211-215